

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 392

Кровная месть как традиционный общественный институт карачаевцев и балкарцев

¹ Болурова А.Н.,

¹ Гагуев М.С.,

¹ Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

Аннотация: великие хранители памяти человеческой – наше старшее поколение – сохранили для потомков богатейшие образцы устного народного творчества, а также воспоминания об имевших место в реальности событиях времени жизни их отцов и дедов, представлявших ценную и порою единственную историко-культурную информацию о социально-экономической жизни народа и его соседей в отдаленном прошлом, о генетических корнях тех или иных обычаев, порядках и традициях, мировоззрении народа на разных этапах его истории, межэтнических контактах и взаимоотношениях.

В конце XVIII – первой половине XIX вв. карачаевцы и балкарцы переживали самый сложный период своей истории. Именно в это время они окончательно теряют свою независимость, катастрофически сокращаются их территория и численность, разрушаются все отрасли хозяйства. Приходит в упадок общественный быт. Однако проблема кризиса общественного быта не стала предметом специального исследования, и по этой причине заключительная фаза социальной и культурной истории Карачая и Балкарии во многом остается неизученной.

Автор данной статьи рассматривает проблему кровной мести у карачаевцев и балкарцев, при этом верно отмечает, что это был их традиционным общественным институтом. Справедливо отмечается, что кровная месть была институтом именно феодального общества. В работе исследуются причины возникновения кровной мести, особенности ее существования в горском обществе на различных исторических этапах. Исследование осуществлено на основе многочисленных исторических источников и литературы. Анализ этих источников позволил получить наиболее объективное понимание данной проблемы. Работа представляет значительный интерес для тех, кто занимается изучением общественных институтов карачаевцев и балкарцев.

Ключевые слова: феодалы, крестьяне, общество, горцы, родственники, повинности, обычай, родственники, кровники

Для цитирования: Болурова А.Н., Гагуев М.С. Кровная месть как традиционный общественный институт карачаевцев и балкарцев // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 5. С. 55 – 60.

Поступила в редакцию: 7 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая, 2025 г.; Принята к публикации: 1 июля 2025 г.

Blood feud as a traditional public institution of Karachays and Balkarians

¹ Bolurova A.N.,

¹ Gagiev M.S.,

¹ Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev

Abstract: the great keepers of human memory, our older generation— have preserved for posterity the richest examples of oral folk art, as well as memories of the real-life events of their fathers and grandfathers, who provided valuable and sometimes the only historical and cultural information about the socio-economic life of the people and its neighbors in the distant past, about the genetic roots of those or other customs, orders and traditions, the worldview of the people at different stages of its history, interethnic contacts and relationships.

In the late 18th and first half of the 19th centuries, the Karachays and Balkarians lived through the most difficult period of their history. It was at this time that they finally lost their independence, their territory and numbers were catastrophically reduced, and all branches of the economy were destroyed. Social life is falling into disrepair. However, the problem of the crisis of social life has not become the subject of special study, and for this reason, the final phase of the social and cultural history of Karachay and Balkaria remains largely unexplored.

The author of this article examines the problem of blood feud between Karachays and Balkarians, while correctly noting that this was their traditional social institution. It is rightly noted that blood feud was an institution of feudal society. The paper examines the causes of blood feud, the peculiarities of its existence in the mountain society at various historical stages. The research is based on numerous historical sources and literature. The analysis of these sources allowed us to obtain the most objective understanding of this problem. The work is of considerable interest to those who study the public institutions of Karachays and Balkarians.

Keywords: feudal lords, peasants, society, highlanders, relatives, duties, custom, relatives, blood relatives

For citation: Bolurova A.N., Gagiev M.S. Blood feud as a traditional public institution of Karachays and Balkarians. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (5). P. 55 – 60.

The article was submitted: March 7, 2025; Approved after reviewing: May 5, 2025; Accepted for publication: July 1, 2025.

Введение

Актуальность данного исследования состоит в том, что в исторической и этнографической литературе имеют место неоднозначные подходы к проблеме кровной мести. В частности, исследователи часто расходятся в оценке самого этого явления, анализе его особенностей, а также в том, в какой среде кровная месть получила наибольшее распространение.

Как свидетельствуют исторические источники, кровная месть возникла в период первобытнообщинного строя, в условиях отсутствия каких-либо органов государственной власти, могущих защищать жизнь человека. Она стала единственно возможной формой коллективной защиты человеческой жизни, ибо неотвратимость возмездия по обычаю кровной мести, укоренившись как традиция, предотвращала преднамеренное убийство. Причем, кровная месть защищала любого члена родовой общины в равной степени, независимо от его положения в обществе.

Степень изученности темы. Рассматриваемая проблема нашла отражение в широком спектре исторических источников и литературе. Ей по-

священы различные сборники, воспоминания очевидцев того времени, а также материалы полевых исследований.

Собственно историческая и этнографическая литература представлена различными монографиями, научными работами и статьями. В них, наряду с материалами, касающимися общих историко-этнографических проблем, анализом общественных институтов, обычаев и традиций, значительное внимание уделяется кровной мести.

Так, в работе известного историка, социолога М.М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе», посвященной кавказским горцам, анализируются кавказские адаты, в том числе и обычай кровной мести. Автор в основном использует осетинский и балкарский материал, но при этом часто обращается и к сведениям о других народах.

Заслуживает особого внимания опубликованная в 1967 г. монография В.К. Гарданова, которая явилась обобщающим итогом изучения социальной организации карачаевцев и балкарцев в XVIII – первой половине XIX вв. Данная работа стала в некоторой степени эталоном для последующих

исследований. Рассматривается в ней и проблема кровной мести [3, с. 105].

Анализу общественных институтов горских народов, в том числе карачаевцев и балкарцев, посвящена работа А.И. Мусукаева [8, с. 98].

Цель данного исследования состоит в анализе обычая кровной мести как общественного института у карачаевцев и балкарцев.

Задачи:

- показать время и условия возникновения кровной мести;
- проанализировать сущность обычая кровной мести;
- исследовать роль кровной мести в общественной жизни карачаевцев и балкарцев.

Материалы и методы исследований

В ходе данного исследования использован комплекс методов, включающих анализ и интерпретацию исторических источников, этнографических материалов, а также данных полевых исследований. Основу источниковой базы составили монографии, научные статьи и воспоминания, охватывающие социальную организацию, правовые обычаи и институты карачаевцев и балкарцев, в том числе труды М.М. Ковалевского, В.К. Гарданова, А.И. Мусукаева и Б. Миллера. Особое внимание уделено адатам как основному регулятору общественных отношений в условиях отсутствия писаного законодательства. Методологической основой анализа послужили принципы историзма и системного подхода, позволившие рассматривать кровную месть как социально-правовой институт в контексте классовой структуры общества. Кроме того, в работе использован сравнительно-исторический метод, позволивший выявить как общие черты обычая кровной мести у разных народов Северного Кавказа, так и его специфические особенности у карачаевцев и балкарцев.

Результаты и обсуждения

Развитие феодализма в Карачае и Балкарии сопровождалось сохранением довольно прочных общинных связей, что наложило свой отпечаток на классовую и сословную структуру общества. В первой половине XIX века карачаево-балкарское общество делилось на два противоположных класса – феодалов и крестьян. К первым относились бий, чанка и верхушка узденей, которые обладали экономическими, политическими и административными правами и в силу этого эксплуатировали зависимых от них крестьян. Крестьяне в середине XIX века не представляли собой однородной массы, а распадалась на ряд категорий: узденей (юридически свободные общинники, которые фактически несли феодальные повинности), азатов (вольнотпущенников), юлгюлю-кулов («правых» или

«обрядных»), башсызкулов (патриархальных рабов). Основную массу населения Карачая составляли уздени [9, с. 56].

За неимением писаных законов в первой половине XIX века права и обязанности сословий были закреплены адатами. Привилегированным сословием – «белой костью» (ак сюек) – считались только бии. Они владели основными средствами производства – землей, скотом, а также крепостными крестьянами, которые могли продавать, дарить, отдавать в качестве калыма. Основой экономического могущества биев были земли, захваченные у общины, и тысячные стада скота. Все зависимые сословия несли различные повинности (отработочная, натуральная и денежная ренты) в пользу своих господ.

В феодальном обществе, где существуют противоположные классы, «лишение могло совершиться только внутри сословия» – по отношению к биям не имели права кровной мести не только зависимые сословия, но и уллу – уздени. При убийстве бия ответственность за кровь падала не только на убийцу, но и на его ближайших родственников. «Убийство бия кем-либо из карачаевцев до настоящего времени не случалось». У карачаевцев особа бия считалась неприкосновенной, а его собственность – священной, оскорбивший его подвергался сильному гонению [9, с. 102].

До появления системы выкупа у карачаевцев и балкарцев существовало, как у всех народов Северного Кавказа, кровомщение, которое, являясь одним из атрибутов первобытнообщинного строя, возникло как мера самоохранения. Члены рода обязаны были оказывать друг другу помощь и защиту. Если кто-то обижал одного из членов рода, то последний (род) целиком принимал на себя эту обиду. Таким образом, в деле защиты своей безопасности индивид полагался на род, к которому он принадлежал. «Отсюда, – указывает Ф. Энгельс, – из кровных уз рода. Возникла обязанность кровной мести. Если кто-нибудь из чужого рода убивал сородича, весь род убитого был обязан кровной мостью. Это положение Энгельса находит свое полное подтверждение в обычном праве карачаевцев. Кровная месть составляла священную обязанность, дело чести, оправдывалась общественным мнением и личным убеждением каждого горца. Не склонность к убийству направляла горца к кровомщению, а жажда мести и восстановление своей чести. Причинами кровной мести были следующие обстоятельства: убийство, столкновения при земельных разделах или дележе наследства, нарушение брачного договора, прелюбодеяние, оскорбление очага, чести, похищение женщин, девушек.

Как отмечает Б. Миллер, в XIX веке в Карачае и Балкарии кровная месть не нашла такого губительного характера, как седа других горских обществ. Наиболее широкое распространение получила кровная месть среди князей – биев. Бедняки, не говоря о рабах, не могли совершать акты кровной мести или нанимать убийцу. Бий мог свести кровные счета, начав для совершения кровомщения того же бедняка [7, с. 208].

В адатах карачаевцев и балкарцев говорится, что родственники убийцы как только происходило убийство старались, чтобы убитый был похоронен как можно скорее, а родственники убитого медлили с похоронами, хотя ислам предписывал предать земле тело убитого или умершего в тот же день. Виновная сторона, защищалась сама от мести. Всегда стараясь покончить дело примирением. Когда убийца богатый и сильный родством и покровительствовал важного лица, иногда отказывался примириться с бедными родственниками убитого им. Для прекращения вражды между тукумами практиковалась женитьба молодых людей их враждующих семей.

Горцы Северного Кавказа хотя и свято выполняли обычай кровной мести, но в то же время тяжело страдали от этого обычая. Возможно поэтому они и «изобрели» правило (возведенный также в степени святости), согласно которым убийца мог избежать навсегда или временно кровной мести. По обычному праву карачаевцев и балкарцев удовлетворение за кровь следовало независимо от того, было ли убийство случайным или преднамеренным, при этом размер выкупа зависел главным образом от социальной принадлежности убитого и обстоятельства убийства.

Самой дорогой платой за кровь в Карачае была земля. Ввиду малоземелия карачаевцы и балкарцы неохотно расставались со своими землями и предпочитали расплачиваться скотом и другим имуществом. Поэтому лишь в крайних случаях они платили за кровь земель. Например, «Болуровы отделились от Чотчаевых с которыми поделили родовую землю, но землю эту впоследствии за убийство одним из Болуровых одного из Чотчаевых отдали Чотчаевым в уплату крови, земля эта лежит по берегу реки Хурзук [ПМА].

Кровная месть была единственной возможной формой коллективной защиты человеческой жизни, так как вошедшая в традицию неотвратимость возмездия по обычаю кровной мести предотвращало преднамеренное убийство. Кровная месть защищала любого члена родовой общины в одинаковой степени, независимо от его положения в общине [2].

Сохранившись в условиях становления феодального общества, кровная месть приобрела ярко выраженный сословно-классовый характер. Обычай кровной мести, будучи, с одной стороны, одним из обычаев первобытнообщинного строя, в условиях классового общества стал средством отражения сословных интересов феодальной знати [8, с. 56].

В XIX веке в Балкарии и Карачае продолжали существовать третейские суды. В их составе были наиболее почетные и авторитетные старики, хорошо знавшие адаты своего народа. Большинство тяжёлых дел решалось по адату, реже - по шариаду.

В горском суде Тёре одним из основных и неоспоримых доказательств карачаевцы и балкарцы считали присягу (ант). Обвиняемый должен был в торжественной обстановке поклясться именем покойного родственника, и это считалось достаточным основанием для оправдания человека. Иногда требовалась дополнительная коллективная клятва из числа соприсяжников (ими становились родственники обвиняемого чаще по материнской линии) из представителей атаула (атаци ант). И соприсяжником и свидетелем «шагъатчы» мог быть только мужчина. Показание женщины допускались в тех случаях, когда по данному делу не было свидетелей мужчин. Кроме того, показания женщины должны были быть подтверждены кем-либо из ее родственников [9, с. 105].

Интересно сообщение Абаева М. о том, что балкарцы (карачаевцы) клялись небом и звездами, железными предметами и цепью, висящей над очагом. Он подчеркивал, что до введения русского законодательства во II-ой половине XIX в. балкарцы не знали уголовного наказания.

Кроме обычных наказаний, принимаемых при уголовных преступлениях, горские суды прибегали к совершенно особым. Так пойманного на краже скота подвергали таким наказаниям, как «отлучение порочного от мечети», постановляли ему не входить в дом покойника с соболезнаванием, не позволять присутствовать на увеселениях, ставили к позорному столбу (къара багъана) и самое страшное наказание - лишали обряда погребения по мусульманскому обряду. Применялась и такая мера наказания, как общественный бойкот – не принимать от порочного члена и не отдавать магметанского приветствия «салам» [6, с. 205].

В убийстве признавали виновным всегда одного, обвинять более можно было только в тех случаях, когда убийство совершено несколькими людьми, или в общей ссоре или драке, и никто не признает себя убийцей.

Право и обязанность преследовать убийцу или примириться с ним принадлежит преимущественно самому ближайшему родственнику убитого. Но допускаются к этому и остальные родственники, а именно те, которые по шариату, считаются наследниками убитого.

Кровомщению подвергался только признанный убийцей.

В большинстве случаев убийца скрывался для собственной безопасности, не дожидаясь разбора дела. Обычно он скрывался в одном из отдаленных селений своего общества, у родственников или знакомых, или же искал покровительства какого-нибудь сильного и влиятельного лица, при содействии которого надеялся примириться с родственниками убитого, а до того считал себя безопасным от покушения их на убийство его по кровомщению. Всякий считал добрым делом не отказывать кьянлы в приюте и покровительстве, и содействовать к его прощению. Большим подспорьем для кровников были выше рассмотренные институты гостеприимства и куначества, т.к. как каждый уважающий себя хозяин считал своим долгом защитить или оказать поддержку своему гостю или кунаку в случае если он был преследуем родственниками убитого [11, с. 96].

Следует подчеркнуть, что также и содействие к убийству кого-либо из жителей селения, в котором он живет, считается преступлением и оскорбительным для чести хозяина, приютившего его, и содействовавший подвергается штрафу и кровомщению, в случае если при его помощи кьянны будет убит.

По истечении известного времени после убийства кьянны должен был, при содействии двоих родственников и почетных жителей своего селения искать примирения с родственниками убитого им.

В 1913 году были случаи из жизни балкарцев, когда даже за злонамеренное убийство человека в порядке мести жители выступали против самосуда, а требовали, чтобы преступник предстал перед Тёре.

Вообще, очень важно, что у карачаевцев и балкарцев особенно в изучаемый период, кровная месть не было так распространена, как в центральной части Северного Кавказа. По словам одного из бытописателей балкарцев, кровомщение у них «не принимает таких широких размеров, какие оно принимает у ингушей, чеченцев и осетин, и его нетрудно предупредить, склонив кровников к примирению.

Именно задачу примирения и ставило чаще всего перед собой Тёре. Стремясь предотвратить кровавую вражду суд назначал плату за кровь. Но плата за кровь, определяемая адатом, бывала

очень значительной, потому целому роду приходилось выплачивать её по частям в течении длительного времени [4, с. 154].

Для патронимии кровомщение имело большое консолидирующее значение. Важнее всего была патронимическая взаимопомощь при выплате цены крови. Глава патронимии являлся самым старшим по возрасту и уважаемым в ней лицом. С ним полагалось советоваться по всем важным случаям жизни (и в данном случае конечно тоже его мнение играло важную роль).

Посредниками при примирении были специально выбранные почетные старики (чаще всего члены Тёре). После переговоров, если родные, например, убитого соглашались на примирение, сумма выкупа была установлена и выплачена, убийца без шапки, с накинутым на плечи саваном, на коленях полз через толпу к родителям убитого. В знак согласия на примирение, родители убитого касались ножами бороды убийцы.

Вообще примирение могло состояться только в том случае, когда все, без исключения родственники убитого как мужчины, так и женщины, соглашались простить кьянлы. Обычно труднее всего было уговорить на это женщин, в особенности мать убитого.

Общее уважение и похвалу заслуживали родственники убитого, согласившиеся простить раскаявшегося неумышленного убийцу без всякого вознаграждения (но такое случалось редко) [5, с. 121].

Причем, не следует забывать, что вообще мстительность и злопамятность не свойственны балкарцам и карачаевцам. Не зря в свое время, Г. Филиппсон – генерал-лейтенант времен Кавказской войны писал, что карачаевцы и балкарцы не отличались особым хищничеством [1, с. 45].

Выводы

Таким образом, сохранившись в условиях становления феодального общества, кровная месть приобрела ярко выраженный сословно-классовый характер. Личность человека и отмщение за его убийство находились в зависимости от его сословной принадлежности. Выкуп, которым откупались родичи убийцы от мести со стороны семьи пострадавшего, резко различался по своим размерам в зависимости от того, был ли убитый человек князем, дворянином или простым крестьянином. За убийство раба вообще не полагалось ни кровной мести, ни выкупа.

Обычай кровной мести, будучи, с одной стороны, одним из обычаев первобытнообщинного строя, в условиях классового общества стал средством отражения сословных интересов феодальной знати.

Список источников

1. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963. 94 с.
2. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII-первая половина XIX вв). М., 1967. 331 с.
3. Горданов В.К. Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. 48 с.
4. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994. 438 с.
5. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. 336 с.
6. Кумыков Т.Х. Некоторые вопросы общественного быта народов Северного Кавказа в первой половине XIX века. Нальчик, 1986. 121 с.
7. Кючмезова М.Н. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик, 2003. 210 с.
8. Мусукаев А.И. Традиционные общественные институты народов Северного Кавказа в период феодализма и первых этапов развития капиталистических отношений. Нальчик, 1990. 399 с.
9. Невская Я.П. Социально-экономическое развитие Карачая XIX веке (дореформенный период). Черкесск, 1960. 164 с.
10. Полевой материал автора. Чотчаев Джансох Идрисович 1937 г.р. Карачаево-Черкесская республика, г. Карачаевск. 50 с.
11. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. М., 1989. 447 с.

References

1. Alekseeva E.P. Karachais and Balkars are the ancient people of the Caucasus. Cherkessk, 1963. 94 p.
2. Gardanov V.K. Social system of the Adyghe peoples (XVIII – first half of the XIX centuries). M., 1967. 331 p.
3. Gordanov V.K. Culture and life of the peoples of the North Caucasus. M., 1968. 48 p.
4. Kazharov V.Kh. Traditional social institutions of Kabardians and their crisis at the end of the 18th - first half of the 19th century. Nalchik, 1994. 438 p.
5. Karachais. Historical and ethnographic essay. Cherkessk, 1978. 336 p.
6. Kumykov T.Kh. Some issues of social life of the peoples of the North Caucasus in the first half of the 19th century. Nalchik, 1986. 121 p.
7. Kyuchmezova M.N. Socionormative culture of the Balkars: traditions and modernity. Nalchik, 2003. 210 p.
8. Musukaev A.I. Traditional social institutions of the peoples of the North Caucasus during feudalism and the first stages of development of capitalist relations. Nalchik, 1990. 399 p.
9. Nevskaya Ya.P. Socio-economic development of Karachay in the 19th century (pre-reform period). Cherkessk, 1960. 164 p.
10. Field material of the author. Chotchaev Dzhansokh Idrisovich, born in 1937. Karachay-Cherkess Republic, Karachayevsk. 50 p.
11. Tekeev K.M. Karachais and Balkars. M., 1989. 447 p.

Информация об авторах

Болурова А.Н., доцент, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

Гагуев М.С., аспирант, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, abolurova@mail.ru

© Болурова А.Н., Гагуев М.С., 2025